

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

31

№ 111
(1749)

24
ИЮНЯ
2005

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Глава семнадцатая

Счастливого лето 51-го

Чем измеряют расстояние до земли

Есть выражение «заболеть небом». Это не просто выражение, а реальный диагноз. Я эту болезнь пережил в полной мере. В острой форме она продолжалась четыре года, а до конца не прошла и сегодня. Хотя летал я все-то одно лето на планере. Конечно, я мечтал стать не планеристом, а летчиком, но будущим летчикам надо было иметь среднее образование, а для планера хватало моего к тому времени семилетнего.

Обучались мы на планере А-2, конструкции тогда еще мало кому известного Олега Антонова — примитивном летательном аппарате с верхним расположением крыла, с открытой кабиной и без колес — роль шасси исполняла лыжа. На земле планер лежал, завалившись на одно крыло. Перед стартом кто-нибудь из курсантов поднимал крыло и бежал за самолетом вместе с прицепленным к нему планером, пока тот не обрел способность удерживаться в набегающем воздушном потоке. Сначала от земли отрывался планер (более легкий), потом самолет. На высоте триста метров планерист отцеплялся от самолета и летел сам.

Нашими учителями были начальник летной части аэроклуба Герой Советского Союза майор Егорович, бывший в войну истребителем, командир эскадрильи и впоследствии чемпион СССР по планерному спорту Иван Андреевич Лобода и инструктор Иван Петрович Дудник.

Лобода был большой озорник. У нас основам летного дела, он спрашивал какого-нибудь курсанта:

— Чем летчик при посадке определяет расстояние до земли?

Курсант, естественно, отвечал:

— Высотомером.

Лобода сердился:

— Ты своей головой соображаешь? Что, высотомер покажет тебе полметра, тридцать, двадцать, десять сантиметров? Хрен он тебе покажет!.. Чем, — тыкал он пальцем в следующего курсанта,

— летчик при посадке определяет расстояние до земли? Не знаешь? Все раскрыли тетради и записали: «Летчик при посадке расстояние до земли определяет жопой».

Все поняли? Макарова, чем летчик определяет расстояние до земли?

Галья Макарова, единственная девушка в эскадрилье, отвечает смущенно:

— Попой, товарищ комэск...

— Попой, товарищ курсант, дети определяют расстояние до горшка, а летчик расстояние до земли определяет жопой. Повтори.

Макарова мнетя, краснеет:

— Я не могу!

— Не можешь? — крутит головой Лобода. — Что ж ты за летчица будешь, если даже слово «жопы» сказать не можешь.

Сплошное «тра-та-та»

Галья была красивая девушка с большими глупыми глазами и большой грудью, на которой од-

нокрылой бабочкой сидел комсомольский значок. Одевалась она так, чтобы обратить на себя внимание. Мы еще летать не начали, а она уже достала где-то новый кожаный шлем с летными очками и в нем ездила не только на аэродром, но и по городу. Но летала Галья плохо: никак не могла научиться определять расстояние до земли. Лобода считал, это потому, что не умеет выражаться. Он долго не выпускал Галю в самостоятельный полет, пока она не скажет «... твою мать».

Они сидели в планере: Галья в передней кабине, Лобода сзади, требуя:

— Ну, скажи: «... твою мать».

Галья молчала.

— Ну, тогда посидим...

Подрулил самолет, к нему подцепили трос. Самолет проехал несколько метров, трос натянулся. Летчик оглядывается на планериста, тот должен дать знак, что к взлету готов. Лобода машет рукой, показывая, что не готовы.

— Ты понимаешь, — говорит он Макаровой, — что я тебя все равно не выпущу, пока не скажешь «... твою мать». Ну!

Макарова молчит, сопит, потом решается и произносит фразу шепотом.

— Что? — спрашивает Лобода.

Галья повторяет чуть громче.

— Не слышу!

Она еще раз.

— Макарова, мотор шумит, я не слышу.

Наконец, она со слезами на глазах выкрикивает громко то, что требует инструктор.

— Ну вот, другое дело! — удовлетворился Лобода. — Теперь и выражаться умеешь, и чем определять расстояние до земли знаешь. Давай, лети!

Лобода вылез, вместо себя положил в кабину и закрепил мешок с песком — для центровки, махнул буксировщику рукой...

Как многие летчики, прыгать с парашютом Лобода не любил. Но время от времени приходилось делать прыжки с десятисекундной задержкой. Прыгая в очередной раз, он выдернул кольцо не через десять, а через шесть секунд. Инструктор Аполлонин у него спросил:

— Ты что, не мог до десяти досчитать?

— Я досчитал, — сказал Лобода. — До четырех я считал на крыле, а остальное — когда прыгнул.

Все инструкторы и курсанты справляли малую нужду прямо на поле, но прятались за планером или самолетом от двух женщин — от Гали и медсестры Нади. Но Лобода, прежде чем помочиться, кричал:

— Надя! Надя! — Потом: — Галья!

Галья! — и, когда, наконец, ему удалось привлечь их внимание, приказывал: — Отвернитесь!

После чего приступал к делу, не прерываясь.

Инструкторы были жуткие матерщинники. Не матерился только тихий и вежливый майор Егорович. Говорили, что во время войны он сбил 27 немецких самолетов, но вторую Звезду на погоны не получил по той же причине, по какой я потом не попал в литинститут — из-за окончания фамилии на «ич».

Иван Петрович Дудник на земле был тоже тихим и вежливым, но с первых же секунд в воздухе обрушил на меня водопад такого мата, какого я в жизни вообще не слышал. Я сидел в передней

ГЕННАДИЙ НОВИЦОВ

Материвший меня в воздухе инструктор Дудник на разборе полетов сказал, что я самый лучший курсант. Не могу передать, как я обрадовался! Наконец-то я нашел дело, которое могу делать не хуже других, а, по мнению Дудника, даже лучше! Ободренный услышанным, я дошел до того, что Дудник вообще перестал делать мне замечания...

кабине, он — в задней, матерясь через резиновый шланг, который в обиходе не зря назывался «матюгальник». Ругал меня Дудник за то, что я слишком резко двигал ручкой управления и педалями.

— Ты, тра-та-та-та, — кричал в матюгальник инструктор, — твои движения, тра-та-та-та, должны быть плавные, тра-та-та, координированные, еле заметные, тра-та-та, а ты... — и дальше сплошное «тра-та-та».

После нескольких полетов я упал духом: и столяр из меня вышел никудышный, и с парашютом прыгнул не так, а теперь с планером не справляюсь. Я даже стал думать об уходе из аэроклуба, когда случайно узнал, что на разборе полетов Дудник сказал, что я его самый лучший курсант. Не могу передать, как я обрадовался! Наконец-то я нашел дело, которое могу делать не хуже других, а, по мнению Дудника, даже лучше! Ободренный услышанным, я дошел до того, что Дудник вообще перестал делать мне замечания и после минимума полетов разрешил, первому в аэроклубе, самостоятельный вылет.

Состояние невесомости

Набрав необходимые триста метров, я отцепился от самолета и на радостях, что лечу один, как птица, запел песню. А потом растегнул привязной ремень, пользование которым казалось мне излишним. И тут же последовало предупреждение Судьбы, о вере в которую я уже говорил. Только я отстегнулся, как планер подомой ухнул вниз. Я оторвался от сиденья и повис в состоянии невесомости, держась за ручку управления и боясь ею пошевелить. Стоило мне потянуть ее на себя, планер задрал бы нос, потерял скорость и мог свалиться в штопор. А если оттолкнуть ручку от себя — наоборот, нос бы наклонился, и я под действием центробежной силы мог красиво вылететь из кабины и лететь до самой земли без парашюта. Не знаю, сколько времени я провел в таком положении (может быть, секунду или меньше), но это время показалось мне довольно долгим. Плюхнувшись снова на сиденье, я вцепился в обечайку (резиновую окантовку) кабины, и так, держась одной рукой, чтобы не вылететь,

продолжил полет. Но меня ждало новое приключение. От волнения я протянул с первым и вторым разворотом и вскоре понял, что высоты мало, до аэродрома не дотягиваю. Не думая уже ни о каких правилах, после третьего разворота я сделал сразу четвертый и повел планер уже не на посадочную полосу, а напрямик, надеясь приземлиться на краю аэродрома. Как на грех, на пути оказалась высоковольтная линия. Я сделал «горку» и кое-как перескочил через провода, после чего сел в колхозный огород, не дотянув до летного поля нескольких метров.

Дудник, который в воздухе на малейшую ошибку реагировал многоэтажным матом, на земле сказал только:

— Ну, ты меня удивил!

И велел доложить руководителю полетов Егоровичу, что первый самостоятельный полет я совершил. Мне было стыдно, особенно перед ним, боевым летчиком, но я, вытянувшись, доложил по всей форме:

— Товарищ майор, курсант Войнович первый самостоятельный полет выполнил.

— Это не полет! — махнул рукой Егорович и отвернулся.

Я был очень огорчен, однако меня не только не выгнали из аэроклуба, но продолжали считать лучшим в эскадрилье, поэтому предложили сразу после первого курса обучения пройти и второй — спортивный, во время которого я летал уже вообще уверенно.

Я сажал планер точнее всех курсантов, точнее своего инструктора Дудника и даже точнее Ивана Андреевича Лободы, будущего чемпиона СССР. Приземляться полагалось в условных воротах между двумя растянутыми на земле полотнищами, вроде узких простыней. Точность считалась отличной, если планер касался земли в воротах с погрешностью плюс-минус десять метров. Я просил товарищей перед моей посадкой положить посреди ворот вытяжной парашют, размером с детский зонтик, и садился точно на него. Правда, при этом я нарушал правила — заходил на посадку с большим запасом высоты, чем полагалось, а потом применял уточняющий прием скольжения на крыло слишком близко к земле, ниже разрешенных тридцати метров. Это мне сходило с рук. Но потом у нас были областные соревнования, и я на них с позором провалился.

Перед соревнованиями расстояние от ворот разделили на три сектора: А, Б и В. Сел в секторе А — отлично, в секторе Б — хорошо, в секторе В — посредственно. Победителя должны были выявлять, вымеряя сантиметры. Я был в числе фаворитов, но летел с контролером. Он сидел во второй кабине и следил за точным соблюдением всех правил полета, при нарушении которых вычитались очки. Контролер меня очень нервировал, я коснулся земли далеко за сектором В и занял одиннадцатое место. Двенадцатое, последнее, занял будущий чемпион СССР Иван Андреевич Лобода. Когда его спросили, в каком секторе он приземлился, Лобода весело ответил:

— В секторе «Твердый знак»!

Несмотря на все огорчения, то лето 51-го я запомнил, как одно из самых счастливых в моей жизни. И если бы это счастье длилось и дальше, вряд ли я стал бы писателем.

Продолжение следует